

Шалва Амонашвили

и его друзья в провинции

Борис Черных

**Шалва Амонашвили и
его друзья в провинции**

«Европа»

Черных Б.

Шалва Амонашвили и его друзья в провинции / Б. Черных —
«Европа»,

Книга о выдающемся педагоге Шалве Александровиче Амонашвили, его
соратниках и учениках.

Содержание

Его корни	5
Светлана Юрьевна Городович,	6
Борис Черных	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Борис Черных

Шалва Амонашвили и его друзья в провинции

Его корни

Корни выдающихся педагогических способностей Шалвы Александровича Амонашвили – в глубинной грузинской культуре, в народных традициях Грузии. В 3-м веке в Грузии появились первые начальные школы, элементарные и повышенного типа, они создавались по системе греко-римских школ. В 4-м веке Грузия приняла христианство. В первой половине 4-го века в Колхиде, около города Поты, существовала риторическая школа (академия). В ней обучались местные жители и молодые люди из Византии. В конце четвертого же столетия появилась новая грузинская письменность, «Мргваловани асомтаври», т. е. круглое прописное письмо, на ее основе позже создается современная грузинская письменность. В 5-м веке при церквях и монастырях открываются школы для детей всех возрастов. В XII столетии создаются высшие школы – Гелатская, Икалтойская и Гремская академии. Там огромное внимание уделяется переводам церковной и философской литературы и создаются оригинальные произведения на грузинском языке. Научные труды Еквитиме Атонели, Ефрема Мцире, Ионе Петрице сохранились произведения художественной литературы Н. Руставели, Ш. Чахрухадзе, И. Шавтели.

В 1629 году в Риме издается первый печатный грузинский учебник родного языка «Азбука иверийская» И. Чолокашвили.

Особую роль в просвещении сыграла Тбилисская (основана в 1755 году) и Телавская (основана в 1782 году) семинарии. Печатаются грузинские учебники и буквари, «Первый учебник для детей» Христофора Гурамишвили, «Грузинская грамматика» Антона Т...

Вот корни Шалвы Амонашвили.

Сюда следует приплюсовать крепкие связи грузинской и русской культур. Лучшие российские художники всегда благоговейно относились к деятелям культуры Грузии, осознавая, что, несмотря на случайные горестные обстоятельства, мы, повязанные нитью христианства, остаемся в родстве. Не случайно и ныне Москва гордится, что в ее недрах нашли не только приют, нет, нашли высокое поле для воплощения дум и чаяний прекрасные грузины. Их имена на слуху.

Слава ему и слава Грузии!

Светлана Юрьевна Городович, директор школы НОУ СПОШ № 2 «Наш дом» Без сердца что поймем

Я стала директором школы в 27 лет. Меня никто не назначал и никогда бы не назначил, так как у меня не было опыта руководящей работы. Я сама назначила себя директором, когда мы вместе с мужем создали свою школу. Тогда отсутствовала необходимая документальная база: концепции, перспективный план развития и многое из того, что необходимо в любой другой школе. У меня было лишь желание создать «справедливую школу», о которой говорил Януш Корчак. И сейчас спустя 14 лет я удивляюсь: как удалось тогда выжить без концепций, без программных установок? На курсы руководителей школ меня не приглашали, а когда я все же попадала туда, то откровенно скучала. Моим главным советчиком и наставником было собственное сердце. Может поэтому я и мои коллеги не пошли по пути создания конъюнктурных частных образовательных учреждений с преподаванием новомодных предметов, с массой образовательных услуг, не обогащающих ни сердце, ни душу ребенка. Именно сердце подсказывало, что дети нуждаются в школе, которая помогала бы им выполнить свое предназначение, сохранить смысл жизни. Может поэтому процесс становления нашей школы сопровождался необыкновенными таинствами, которые ранее я называла счастливым случаем. На третьем году жизни школе решили дать имя, «Наш дом» – так единодушно мы окрестили наше детище. А спустя некоторое время, к 9 мая, был поставлен спектакль (по пьесе В. Коростылева «Варшавский набат»), в котором рассказывается о человеческом подвиге великого педагога Януша Корчака, погибшего вместе со своими воспитанниками в газовых камерах Трешлинки.

Тронутые до глубины души творческим процессом и историей жизни и гибели Корчака, начинаем глубже вникать в педагогические принципы и биографию удивительного польского учителя и обнаруживаем, что его школа (кстати тоже негосударственная) называлась «Наш дом», а наш школьный флаг того же цвета, что и флаг Корчаковской школы – зеленый!

Наше «восхождение к сердечности» сопровождалось сомнениями и соблазном вернуться к привычным образовательным приоритетам, измеряющимся «процентом качества», и количеством поступивших в вузы. Ведь определить эти показатели и получить результат легче, чем измерить глубину душевных переживаний, силу сердечного устремления.

Но именно в момент этих смятений ниспослана нам встреча с кандидатом психологических наук, доцентом кафедры психологии Российского государственного педагогического университета им. Герцена Сергеем Леонидовичем Братченко. Встреча укрепила веру в ребенка, в себя, в праведность нашего учительского предназначения, и эта вера расправила крылья творчества, придала силы. Именно тогда рождается в коллективе педагогов– единомышленников такая форма контакт с ребятами, как неотправленное письмо. Ибо, когда в общении с ребенком заходишь в тупик и чувствуешь, как в душу закрадывается раздражение, отчаяние, ты пишешь ему письмо-откровение, в котором искренне делишься своими переживаниями. Возможно даже написать это письмо с позиции двадцати якобы прошедших уже лет, или рассматривать ситуацию с позиции наблюдателя и советчика, или самого ребенка. Эти письма помогли многим учителям понять себя и принять ребенка таким, какой он есть. Именно в эти годы в школе стали традицией «Пушкинские проповеди» и «Пушкинские балы». Мы перестали проводить «мероприятия», мы стали проживать школьные события вместе с детьми!

...И все же, чтобы сохранить приоритет воспитания сердца, недостаточно иметь единомышленников в лице педагогов. Родители – важное звено в достижении воспитательных целей. А у родителя другие задачи: подготовка ребенка к вузу, к учебе за границей, развитие, в том числе предпринимательских способностей. Если превратить родителей в наших друзей, какой

непререкаемый авторитет поможет нам в этом деле? Как не благодарить Бога за то, что Он дарит нам новую счастливую встречу, и Шалва Александрович Амонашвили на родительском собрании в «Нашем доме» произносит самые важные и нужные для наших родителей слова: «Требуйте, дорогие мои, от вашего директора приоритетности воспитания в этой школе, не уставайте напоминать учителям, чтобы работали с сердцами ваших детей, обогащая их добротой и любовью на каждом уроке!» Сила его обаяния и убеждения Божественны, и родители с ним с радостью соглашаются!

Я благодарна своему сердцу за проницательность и настойчивую последовательность порывов, которые вели меня к пониманию и принятию Сердечной педагогики. Разве мог только разум провозгласить главным предметом в общеобразовательной школе уроки ЧУДА – основ общечеловеческой нравственности, а главным документом, определяющим будущее школы, не перспективный план, а «Восхождение к сердечности»? И сердца коллег моих отзывчивы тогда, когда чувствуют движение моего сердца.

Я часто думаю, чем отличается сердечный учитель от простого учителя? Говорят, самые искренние чувства и порывы те, которые возникают первыми в душе... Сердечный учитель владеет искусством педагогической импровизации, ведь сердце подсказывает ему в данный момент самое правильное решение. Иной раз «продуманный», взвешенный педагогический ход не дает такого воспитательного эффекта, потому как продиктован разумом.

Можно сотни раз говорить детям: «Будьте добрыми», «Не обижайте друг друга» и превратиться в зануду. Искрометность, импровизация, юмор, идущие от сердца учителя, совершают чудеса.

Завуч пришел на урок в первый класс:

– Здравствуйте, дети! Можно, я побуду на вашем уроке? Ребята рады гостю: – Конечно! Мы сегодня сердца рисовали, смотрите, красивые! Нарисуйте на доске рядом с нашими свое сердце!

– Нет, не стану.

– Почему? – удивляются дети.

– Боюсь, вы выстрелите в него. Ведь у вас так много в партах оружия – пистолеты и автоматы.

Тишина... Медленно встает один и кладет на учительский стол свой пистолет, а следом все остальные разоружаются всерьез. Так была решена проблема «войн» в 1 классе «Нашего дома».

Дети любят учителей с веселым сердцем и чувством юмора, которые могут от всей души посмеяться с ними не боясь потерять «лицо».

...Илья очень любит похвастаться перед ребятами обеспеченностью своей семьи. Учитель подзывает его к себе: «Илюша, хочу тебе признаться, у меня нет собственной машины и загородного дома... и у моего отца тоже нет».

– Ну и что, зачем говорите об этом? – удивляется мальчик.

– Боюсь, что ты меня станешь меньше любить.

– Что Вы, Людмила Ивановна, разве любовь зависит от богатства!

– Вот и я думаю, что ты не станешь лучше или хуже от количества материальных благ твоей семьи. Не хвастайся перед ребятами, пожалуйста...

Прошло время, и учитель застаёт своего подопечного в окружении ребят: «А мой папа генеральный директор...» – хвастает мальчик, и увидев Людмилу Ивановну, заканчивает фразу: «...Но очень бедной фирмы».

Просто подвести итог своей работы, руководствуясь процентами качества, отчетами о проделанной работе. А как уловить движение сердца, труд души?... Однако «в мире нет ничего не духовного». И если учебники есть генетический материал, определяющий духовное тело, а слово учителя, его сердце – инструмент, с помощью которого осуществляется формирование

генофонда, то влияние школы на ребенка определяется не качеством образования, а качеством ее духовного обустройства.

Благовещенск, 675 005, Ул. Чехова, 52, Школа «Наш дом»

Борис Черных Сказочник Шалва

Кто бы знал, что он нагрянет к нам на Амур? А нагрянул, несмотря на космические дали и на свои лета. Ему семьдесят три года.

Мы не виделись шестнадцать лет. Но у него цепкая память. Поэтому на своей книжке «Улыбка моя, где ты? Мысли в учительской» Шалва Александрович написал:

Дорогой Борис Иванович! Встреча с Вами в прекрасном Благовещенске для меня знаменательна. Спасибо Вам за прошлое и за эту встречу. Искренне Ваш Ш. Амонашвили.
27. 09.2004

* * *

Немного истории. Эпоха Горбачева привнесла не только сумятицу и иллюзии, но и реальные надежды на обновление всех сторон общественного бытия. В педагогике прорвались к кафедрам совершенно непредсказуемые подвижники. Это Виктор Шаталов, математик. Это Софья Лысенкова, учитель-универсал, она изгнала страх из ребячьих душ, кои трепетали при прежних методиках («Ах, ты не понимаешь моих требований?! Дневник!».). Это Михаил Щетинин, озабоченный домашней обстановкой в школе. Это Симон Соловейчик, уникальный пропагандист всего неординарного в старой и новой педагогике. Это Владимир Матвеев, главный редактор «Учительской газеты», мощный аккумулятор новационных идей. Наконец, это сказочный пришелец из Грузии Шалва Амонашвили. Шалва и правда кудесник... К нему дети тянутся как металлические опилки (простите рискованное сравнение) к магниту. И Шалва для каждого найдет заветное слово.

В 1987 году прошедший суровые университеты, я не погнушался склониться перед этими авторитетами, они привели меня и мои опыты. Матвеев в нескольких номерах «Учительской газеты» опубликовал записи детских суждений о книгах известных писателей, я вёл эти записи ещё в 70-х годах.

«Педагогика сотрудничества» (сотрудничества учителя и ребенка) быстро обрела сторонников по весям России. В «святом семействе» советского наробоза поднялась паника. Нынче мало кто упомянет суть опасений, обуявших доктринеров авторитарной социалистической школы. Принято думать, что соцшкола готовила хороших предметников. Пусть так. Но нравственные потери, связанные с классовым, не личностным, подходом к детям, были очевидны. Приказные принципы перечеркивали традиции сердечности. «Ишь, какой он добренький», – уничижительно говаривали про учителя, умеющего лаской добиться дидактического успеха.

И что вы думаете? Горбачев по доносам педакадемиков сместил Матвеева с поста главного редактора «Учительской газеты». А само понятие «педагогика сотрудничества» быстро свернули и постарались забыть. Но не тут-то было. Да, не выдержали ударов Матвеев и Соловейчик, они умерли, но как солдаты на передовой, не издав стога.

Шалва Амонашвили покинул Грузию и живет в Москве. Ныне он в славе, доктор наук и почетный профессор университетов и институтов. Его ценит педагогическая общественность в Европе и в Америке. Но на Амур он приехал не по приглашению официальных властей, а по зову Светланы Юрьевны Городович, директора частной школы «Наш дом». Для Городович подвиг её, хотя свой поступок она не считает подвигом, стоил нервов...

А теперь собственно о программных, концептуальных выступлениях Шалвы Александровича. Когда-то, много лет тому назад, он обронил простодушную мысль: «Дети – мои учителя». Ну-ка, записные догматики, попробуйте поучиться у детей. «Да чему же у них учиться?! – вскричат догматики, – да они грамотой не овладели, высшей математики, алгебры жизни не постигли».

Но Шалва, мудрец, считает иначе. Им, детям, свойственна гармония восприятия мира. Стандарты мысли и деяния не соблюдаются у Шалвы, а —! – стандарты преодолеваются. Он так об этом и сказал, выступая в актовом зале педуниверситета и перед учителями «Нашего дома». Программа и учебник не догма, хотя они тяготеют стать догмой и диктовать школе, стало быть, учителю и ребенку, жесткие утеснения. Словесник, к примеру, долбит из урока в урок суффиксы и префиксы, и т. д., – Амонашвили смеет думать, что не грамматике надо учить на уроках русского языка, а доброречию. Малейший всплеск душевного огонька в хрупком мальчике или девочке – восславить этот всплеск хотя бы поглаживанием по плечу. Даже на математике, где не у каждого дитяти всё ладится, подойти к нему и, коснувшись легкой ладонью головы, прошептать: «Не бойся. Всё получится!» Кто из нынешних математиков умеет сподобиться на невинное сие прикосновение? О, строгая маска не снимается с лица учителя. Учитель боится потерять лицо. В то время как уже потерял его. Вы слышали на уроках математики смех детей и учителя? Амонашвили и его воспитанники смеются. На уроках и вне.

«И, наконец, её осенило. Она улыбнулась... Ученик, заметив сияние улыбки на лице учительницы, радостно воскликнул:

– Я же всем говорил, что она умеет улыбаться, но мне никто не верил... Теперь-то поверят! – и с этой радостной вестью он побежал к друзьям», – я цитирую 21-й постулат из книжки Амонашвили «Улыбка моя, где ты? Мысли в учительской».

И далее: «Скажут: Но нельзя же заставить учителя улыбаться ученикам? Отвечаю: А кто заставлял его быть учителем? Скажут: Как проверим мощь и мудрость улыбки? Отвечаю: Постойте у порога школы, посчитайте, сколько улыбок принесут с собой дети и сколько потом унесут. Скажут: Нам легче без улыбок. Отвечаю... Нет, не отвечаю. От потухшего сознания надо отойти».

Потухшее сознание учителя и школы...

И еще: «Если взрослый одаривает ребенка улыбками любви и понимания и вместе с ними устремляется ввысь, то тем самым помогает ему раскрыть свой Божественный Образ».

Божественный образ. Шалва Александрович медленно и спокойно пришел к Богу. Но современная школа, мнимо отделившись от канонов советской, читай – безбожной, педагогики, едва-едва переступает на тропу, ведущую к Храму.

К сожалению, в одной публикации трудно поведать всю полноту поэтического и православного видения мира, а мира детства особенно, которое переполняет все сущностные помыслы великого педагога современности Амонашвили...

Почему на чтениях и предметных уроках Шалвы Александровича в педуниверситете и в частной школе «Наш дом» отсутствовали руководители областного и городского управления образования? Они даже цветы не поднесли Учителю. Ответ очевиден – чиновникам чужда гуманистическая философия Шалвы Амонашвили. Ибо когда он вспоминает из Иоанна Кронштадтского: «Даруй мне сердце», – чиновника зудит совсем другое: даровать регламент.

Частная школа во главе со Светланой Юрьевной Городович живет по законам сердца. Даже учительница биологии Елена Владимировна Ляшова в школьной газете (печатной!) пишет: «Не отпускайте милых в плен Деньгам, карьерам и разлукам, Не допускайте рваных ран, Нотаций глупых не читайте», – в устах биолога призыв «Нотаций глупых не читайте» дорогого стоит.

Я знаю одну историю, как «Наш дом» вынырнул и не отдал на растерзание мальчишка, коему грозила тяжкая участь быть упрятым в училище для умственно-отсталых детей. Ната-

ля Алексеевна Барковская спасла мальчонку. Он подросток, окреп и оказался чрезвычайно одаренным. Сейчас в «Нашем доме» выставка его живописных работ.

Редкостное удовольствие я испытал, читая мальчишеские и девчачьи сочинения, басни, стихотворения. Нигде нет игры со словом, нигде никакого кокетства. А я знаю школьные газеты, заполненные глупейшим честолюбием и только честолюбием. В сочинениях ребят и девочек из «Нашего дома» правдивый и даже суровый взгляд в прошлое и искреннее видение настоящего. И органическая образность. Илюша Крайнов пишет о том, как деревья плакали тяжелыми слезами и о протянутой вовремя ветке помощи. Я подумал – ну, растет прозаик. А он ушел на физмат, Илюша. Боже, как хорошо, что на физмате учится юноша, владеющий образным видением. Или вот Саня Александрова пишет о взрослых: «Они зависимы от чужого мнения и от зависти». И трогательное признание – ей не хочется идти в жестокий мир взрослых, а есть желание «задержаться в своем возрасте» (15 лет), чтобы «накопить больше радости», дабы в «будущем её хватило не только на меня».

Сколько победоносных воплей я прочитал и услышал в лета иные о краткосрочной кампании против Квантунской армии в августе 1945 года, но Ваня Игнатенко с помощью деда понимает трагичнейшие страницы той победительной войны: от батальонов и полков оставались взводы, а наши артиллерия и авиация часто били по своим. Вспоминаются строфы Александра Межирова:

Мы под Колпиным скопом стоим,
Артиллерия бьёт по своим.
Перелет, недолет, перелет.
По своим артиллерия бьёт.

Но это, скажем так, лирика, хотя и печальная. А подлинная философская суть «Нашего дома» открывается в концептуальных строках официальной записки о стратегии частной школы: «Кое-кто посматривает на частные школы свысока, видя в них не столько явление общественно-педагогической, культурной жизни, сколько феномен рыночной экономики. Нередко интересуется лишь размер платы за обучение в таких образовательных учреждениях. Между тем, негосударственная школа – это не коммерческая организация. И опыт развития негосударственного образования в России показывает, что жизнеспособными являются не те школы, которые ставят целью „зарабатывание денег“, а те, которые имеют свою „образовательную философию“, отвечающую интересам детей, родителей и учителей...»

У педагогов-психологов есть любопытная рекомендация: когда вы разговариваете с ребенком, старайтесь не возвышаться над ним: важно, чтобы ваши глаза оказались на уровне его глаз. Как же организовать школьную жизнь, чтобы данный принцип срабатывал? Чтобы «глаза» школы стали гораздо ближе к глазам ребенка, чтобы в этих глазах мы могли вовремя уловить тревогу, восторг, разочарование или просьбу...

Прежде всего школа не должна быть школой «вообще», она должна нести на себе печать индивидуальности, штучности. Зачем появилось это учебное заведение? Для кого? Чем будет уникально? Школа, являясь живым организмом, по-настоящему существует до тех пор, пока нужна конкретному родителю, ребенку, учителю. В ином случае истинная жизнь школы прекращается, сменившись однообразным функционированием. «Наш дом» – это не просто название. Это жизненная философия, принцип устройства, это маленькое суверенное государство со всеми полагающимися атрибутами: флагом цвета весны и надежды, гимном и своей газетой «Пока все в школе».

Стремление сделать школьную жизнь более похожей на жизнь большой семьи привело к созданию Верховного Семейного Совета – органа школьного самоуправления. А желание

сблизить старших ребят с малышами на основе взаимной заботы и покровительства побудило вспомнить «семейный» принцип, уже хорошо известный педагогике.

Сейчас в школе образовано восемь семей, и в каждой из них есть дети всех возрастов, включая самых маленьких, первоклассников.

В конце учебного года, когда выпускники передают свои «родительские» полномочия десятому классу, в глазах малышей блестят искренние слезы.

Учебная неделя в школе начинается с Пушкинской проповеди и заканчивается «Открытым микрофоном». Это не просто общешкольная линейка, это трибуна, на которой оттачиваются социальные чувства сопричастности и ответственности, организаторское мастерство. Выбирают «Человека недели» со знаком «плюс» и со знаком «минус», ими становятся те, чей успех или проступок имеет наибольший резонанс, и чьи имена неделю красуются на символических «медали» или в «калоше»¹.

Гордость школы – традиция ежегодного Пушкинского бала. Происходящее в этот день кажется нереальным. На фоне привычных сверкающих огней и гремящей музыки ночных дискотек, пропахших пивным и сигаретным духом, возможно ли это явление далекого прошлого? Криалины, веера, фраки, полонез и вальс, может, ещё не совсем изысканные, но благородные манеры... И (о чудо!) под завершение бала просьба старшеклассников: «Еще мазурку!».

Ребенок имеет право на полноценную школьную жизнь. Если он полюбит свою школу, он сумеет полюбить ученье. Можно быть в конфликте со всем окружающим миром, но если ребёнок в конфликте с учением, если всё это ему противно, потому что связано с несвободой, с принуждением, – тогда беда. Многие родители страдают от осознания того, что сын или дочь не мотивированы на обучение, отказываются выполнять домашнее задание, а иной раз и посещать уроки. Важной задачей школы является создание атмосферы, в которой взрослые не могут проявлять губительную нетерпимость к детям, но спокойно и настойчиво ведут ребёнка к тому моменту школьной жизни, когда разум его выходит из кажущегося небытия, и он начинает учиться. Это сложная и не всегда осуществимая задача, но в практике работы «Нашего дома» есть такие победы. Здесь неуместны процентные подсчеты «качества и количества», здесь речь идёт о личном росте без сравнения с соседом по парте. Именно эти «маленькие» победы и есть смысл существования «Нашего дома». И если ребенку тепло в нашей школе, если он бежит в неё с радостью, а покидает с неохотой, если ему интересно учиться, значит мы не функционируем, а живем».

Дай-то Бог «Нашему дому» удержать чистоту помыслов и не потерять родства с исконным национальным преданием. Духовная наполняемость этого родства лишь формально ощущается в государственных школах, свихнувшихся на мероприятийной суеде – абы кто во что горазд. Генеральная дума утрачена в школах наробраза.

Но вернемся к герою нашей публикации. Шалва Александрович прилетел на Амур не один, а с красавицей дочкой Нино. На фото Нино затаенно идет за отцом, она сопровождает отца в исполнении его особой миссии. А рядом с Шалвой Светлана Юрьевна Городович. Обратите внимание – распахнуто улыбается Городович. Теперь директора школ отучились открыто и самозабвенно улыбаться, их точат дурные предчувствия. Не террористов они боятся, а самих себя. И начальства.

Сейчас Шалва Александрович поднимет на флагшток зеленое знамя «Нашего дома», и рабочий день школы начнется. Но прежде Учитель успеет выслушать таинственные признания детей и сам успеет шепнуть счастливый пароль дня: «Всё будет хорошо, посмотри на небо, оно синее-синее, и берёзы в бронзовой листве. Сам Господь благословляет тебя, сыне и дочь, на маленький, но благородный поступок».

¹ Б. И. Черных подарил «Нашему дому» кресло, сработанное отроком Валерием Приемыховым, еще в 1950-х годах. Теперь это кресло вручается «человеку недели», на линейке.

Не хочется итожить, а надо. Цитирую из книги Амонашвили «Почему не прожить нам жизнь героями духа»:

Из 3-го постулата:

«Говорю от имени П. П. Блонского²: «Учитель, смотри, не являешься ли часто ты сам главным препятствием обновления школы?»

Добавлю от себя: не обманывайтесь, ибо дети, так же, как Бог, видят всё... Бойтесь!

Из 5-го постулата:

«Спросите: Где вы берете меру реформы, или модернизации, или обновления?

И вам покажут на карте: Запад!

Но что нам Запад, когда мы – Восток?

Что нам Европа, когда мы – Евразия?

Там у них были крестовые походы и в них вовлекали даже детей. Десятки тысяч детей погибли в «детский» крестовый поход. У нас таких походов не было, и детей наших в них не вовлекали.

Там свирепствовала инквизиция, выискивая и уничтожая инакомыслящих христиан. Здесь инквизиция не свирепствовала.

Да, была у нас «диктатура пролетариата», что унесла миллионы жизней, но она свергнута.

Там есть диктатура доллара, и она тоже уносит миллионы жизней, но она не свергнута.

Оттуда шли мировые войны.

Там амбиции мирового господства.

Здесь нет большие амбиций всемирного господства, а светится чувство Отечества.

Здесь ещё теплеет духовность и зреют надежды на её возрождение.

² Петр Блонский – выдающийся русский и советский педагог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.